

Тяжёлый снег падал на тонкую одежду, девушка босыми ногами ступала по замёрзшей грязи.

Её пальцы, посиневшие от холода, крепко сжимали покосившуюся, сломанную дверь, тусклый жёлтый свет от масляной лампы мерцал внутри.

— Отец, мать, умоляю вас, не продавайте меня лорду Вану, — кричала она, пока голос не стал хриплым, сладкий металлический вкус крови поднимаясь у неё в горле.

— Я могу собрать дрова, выкопать дикие овощи и даже носить тяжести на причале!

Девушка стучала в дверь обеими руками, горько всхлипывая, её глаза были красны до неузнаваемости.

В лютый холод середины зимы она была одета лишь в один слой тонкого грубого льна.

Её талия была такой тонкой, что казалось, порыв ветра мог сбить её с ног, её лицо, которое должно было быть бледным от недоедания, теперь было раскрашено красным от холода.

Её нежные брови были сдвинуты, а миндалевидные глаза были полны слёз.

Внутри дома двое людей, весело считавшие деньги, начали раздражаться от непрекращающегося плача и криков, и наконец, встали, чтобы открыть дверь.

— Дело не в том, что твои родители бездушны, но твой брат тяжело болен.

— Доктор сказал, что если мы не достанем ему лекарства, его жизнь не будет спасена.

— Серебро, которое дал нам Лорд Ван, может спасти жизнь твоему брату.

— Кроме того, это твоё счастье, что Лорд Ван проявил к тебе интерес.

— Хотя ты и идёшь туда в качестве наложницы, это гораздо лучше, чем быть главной женой в обычной семье. Не будьте такой неблагодарной.

Женщина взглянула на Цзи Наньчжи с презрением, её взгляд был таким, словно она смотрела не на человека, а на скотину, которую можно продать по своему усмотрению.

— Мать, вы прекрасно знаете, что Лорд Ван — хронический алкоголик. Каждый раз, когда он напивается, он бьёт наложниц и слуг в своём поместье.

— Сколько из них погибло от его рук?

Цзи Наньчжи смотрела на женщину перед собой с полными слёз глазами, надеясь, что женщина, которая родила её, всё ещё может иметь хоть каплю совести.

Мужчина отложил деньги, встал и шагнул к двери, подняв руку, чтобы ударить Цзи Наньчжи.

Хлоп!

Хрупкое тело Цзи Наньчжи упало прямо в снег.

— Ты, негодница! И что, если он забьёт тебя до смерти?

— Может, твоя жизнь стоит больше двадцати таэлей серебра?

— Люди из особняка Ван придут за тобой завтра, так что лучше веди себя!

После того как мужчина закончил говорить, он захлопнул дверь, больше не заботясь о человеке, упавшем на землю.

Уши Цзи Наньчжи всё ещё звенели от этого удара, а её щека сильно распухла.

Она не могла понять почему, хотя они были детьми одних и тех же родителей, некоторые могли быть подняты высоко своим отцом и нежно обняты и успокоены своей матерью.

В то время как другие были вынуждены подчиняться, получая пинки и удары за малейшую ошибку, и кормились хуже, чем скот.

А теперь её собирались продать «убийце».

Она не хотела этого принимать.

Почему её жизнь была такой?

Почему другие могли просто забить её до смерти, если захотят?

Цзи Наньчжи сидела, обессиленная, в снегу, её ногти вгрызались в грязь, пока она смотрела на соломенную хижину, крыша которой прогибалась под тяжестью снега.

Холодный ветер завывал, но она больше не чувствовала холода.

Только когда вдали собачий лай постепенно утих, Цзи Наньчжи присела к кривому дереву.

Она достала из-за пазухи лепёшку и откусила, слёзы капали на снег.

Лунный свет разливался по её тонким плечам, заставляя её выглядеть как тень, которую могло развеять ветер в любой момент.

Она сжала кулаки и направилась в неизвестном направлении — даже если дорога впереди была неопределённой, это было лучше, чем быть проданной.

Куда бы она ни шла, ей нужно было просто уйти подальше отсюда.

Она хотела попасть в место, где её никто не знал, любая жизнь была бы хороша.

Даже попрошайничество сойдёт, и не имело значения, если она умрёт.

Всё было лучше, чем быть забитой до смерти зверем.

Следы Цзи Наньчжи быстро заполнились свежим снегом, а холодный ветер поднимал снежные частицы на её длинные ресницы, где они замерзали в крошечные кристаллы льда.

Её голые щиколотки давно потеряли ощущения, каждый шаг ощущался как шаг по раскалённому железу.

Она подтянула свою изорванную хлопковую куртку потуже, но холодный ветер всё равно просачивался через рукава и штанины, заставляя её зубы стучать.

...

Дикая природа была ужасающе тихой, если не считать воющего ветра и снега.

Она смотрела на обширную белую равнину вокруг себя, не в силах различить направление, но не смела остановиться.

Иногда сухая ветка ломалась под тяжестью снега, «щелчок» заставлял её всё тело дрожать.

Её запасы давно закончились, живот болел от голода, а зрение начало темнеть.

Животные в горах уже спрятались в своих норах на зиму, единственным спутником Цзи Наньчжи было её собственное слабое дыхание.

Снег действительно был слишком толстым, каждый шаг требовал всех её сил.

Она устала, была сонлива, и хотела лишь одного — заснуть, но она ещё не выбралась из этих гор.

Даже если ей суждено было умереть, она хотела умереть далеко-далеко отсюда.

Цзи Наньчжи стиснула зубы и продолжала отчаянно двигаться вперёд.

Она споткнулась о холмик земли и вдруг поскользнулась, скатившись вниз по склону.

Когда она с трудом попыталась подняться обратно, она поняла, что упала в пересохшее русло реки.

Снег сыпался со стенок канавы, пока она сидела на холодной земле, чувствуя, как тепло её тела медленно уходит.

Вдалеке раздавался вой волков, их пронзительные крики были особенно ясны в снежную ночь.

Цзи Наньчжи крепко обняла свои руки, свернувшись в маленький клубок.

Слёзы текли, замерзая в ледяные осколки на её щеках.

— Я не могу умереть...

Дрожащая, она встала и схватилась за стенку канавы замёрзшими руками, её ногти были полны грязи и снега.

Шаг вперёд, два шага — она наконец выбралась, только чтобы рухнуть в сугроб.

Среди вихря снега она стиснула зубы и продолжила двигаться вперёд, её фигура становилась всё меньше и меньше, пока она постепенно не слилась с обширным белым миром.

Веки Цзи Наньчжи начали опускаться, а ноги больше не казались ей её собственными.

Она хотела продержаться немного дольше, возможно, если она это сделает, она сможет пройти через это. Но когда её ноги подкосились, и она встала на колени в снегу, она подумала, что у неё не будет другого шанса.

Здесь было нормально умереть.

Она легла и закрыла глаза.

Колени Цзи Наньчжи тяжело ударились о покрытую снегом дорогу, галька пронзила её ладони, а капли крови, которые катились, мгновенно замерзли в тёмно-красные кристаллы.

Она подняла голову и увидела мерцающий свет факелов на официальной дороге вдалеке, из её горла вырвался приглушённый всхлип.

Холодный ветер закидывал снег в её горло, заставляя её сильно кашлять, пока вкус железа не распространился между её зубами.

Звук колес повозки, давящих снег, становился всё ближе.

Она оперлась на руки и поползла вперёд, её заплатанные штаны оставляли длинный след крови на льду.

Звук копыт лошадей внезапно прекратился.

Сквозь её размытое зрение кто-то поднял толстую занавеску, свет от снега отражался от золотой вышивки на мехе этого человека.

Цзи Наньчжи хотела закричать о помощи, но смогла лишь выплюнуть горсть крови, смешанной со снегом.

Последнее, что она запомнила, это падение в тёплые объятия, кто-то завернул её замёрзшее тело в плащ, и тепло ладони, прижатой к её шее.

...

Когда Ся Лянь подняла толстую занавеску повозки, к ней подступил густой запах крови.

Девушка свернулась калачиком в углу повозки, иней прилип к её ресницам, а её фиолетовые губы всё ещё слегка дрожали.

Она протянула руку, чтобы проверить дыхание девушки, и обнаружила, что оно ледяное.

Она быстро развязала свой собственный меховой плащ, чтобы завернуть её.

— Ан Сан! Быстро, принеси угольный жаровню!

Повозка тряхнулась, когда Ан Сан вбежал внутрь с медной жаровней, пламя отбрасывало мерцающий свет и тени на бледное лицо девушки.

<http://bllate.org/book/17313/1622420>